

Голубка

Повесть

Когда произошла эта история с голубем, выбившая из колеи его монотонное существование, Ионатану Ноэлю было уже за пятьдесят, из них последние двадцать он прожил совершенно без всяких событий и даже мысли не допускал, что с ним может произойти что-либо значительное, кроме неизбежной смерти. И его это вполне устраивало. Потому что он терпеть не мог событий, он прямо-таки ненавидел события, нарушающие внутреннее равновесие и вносящие сумятицу во внешний порядок вещей.

Большинство такого рода событий, слава богу, терялось в сером безвременье его детства и юности, и он предпочитал вообще больше не вспоминать о них, а если и вспоминал, то с величайшим неудовольствием: например, об одном летнем дне в Шаран-

тоне, в июле 1942 года, когда он пришел домой с рыбалки, в тот день была гроза и потом ливень, а до этого долго стояла жара, и на обратном пути он снял ботинки, шел босиком по теплomu мокрому асфальту и с наслаждением шлепал по лужам... Так вот, он вернулся домой с рыбалки и побежал в кухню, ожидая увидеть там занятую стиральной матерью, а матери больше не было, был только ее фартук, он висел на спинке стула. Мать уехала, сказал отец, ей пришлось уехать, надолго. Ее забрали, сказали соседи, сначала на Зимний велодром, а потом отправят в лагерь под Дранси, а из Дранси — на восток, откуда никто не возвращается. И Ионатан не понял, что же произошло, это его совершенно сбilo с толку, а через несколько дней исчез и отец, и Ионатан и его младшая сестра вдруг оказались в каком-то поезде, ехавшем на юг, и совершенно незнакомые люди вели их ночью по какому-то лугу и волокли через лес и снова посадили в поезд, ехавший на юг, куда-то далеко, непостижимо далеко, и какой-то дядя, которого они никогда прежде не видели, встретил их в Кавайоне и привел на свою ферму недалеко от местечка Пюже в долине Дюранса и прятал

там до конца войны. Потом он отправил их работать на огороды.

В начале пятидесятых — Ионатан уже начинал находить некоторую прелесть в своей батрацкой жизни — дядя потребовал, чтобы он отслужил в армии, и Ионатан послушно завербовался на три года. Весь первый год ушел только на то, чтобы привыкнуть к мерзостям стадной и казарменной жизни. На второй год его отправили в Индокитай. Большую часть третьего года он провалялся в лазарете с огнестрельными ранами в ступне и голени и амебной дизентерией. Вернувшись весной 1954 года в Пюже, он не застал сестры, говорили, что она эмигрировала в Канаду. Теперь дядя потребовал, чтобы Ионатан незамедлительно женился, а именно на девушке по имени Мари Бакуш из соседней деревни Лори, и Ионатан, который еще и в глаза не видел этой девушки, покорно и даже с удовольствием согласился, ибо, хотя он имел довольно туманное представление о браке, он все же надеялся обрести наконец-то состояние монотонного покоя и бессобытийности, которое было единственным, к чему он стремился. Но уже через четыре месяца Мари родила мальчика

и той же осенью сбежала с каким-то тунисцем — торговцем фруктами из Марселя.

Из всех этих происшествий Ионатан сделал вывод, что полагаться на людей нельзя и, чтобы жить спокойно, следует держаться от них подальше. И поскольку он к тому же стал посмешищем всей деревни и это его раздражало — не из-за насмешек, а из-за того, что он привлекал к себе всеобщее внимание, — он впервые в жизни принял самостоятельное решение: пошел в банк «Креди агриколь», снял со счета свои сбережения, собрал чемодан и уехал в Париж.

Тут ему дважды очень повезло. Он нашел работу охранника в банке на улице де Севр, и еще он нашел себе пристанище, так называемую *chambre de bonne* на седьмом этаже доходного дома на улице де ла Планш. Чтобы попасть в эту комнату, нужно было пересечь задний двор, подняться по узкой лестнице черного хода и пройти по узкому коридору, тускло освещенному единственным окном. В коридор выходили две дюжины комнатушек с серыми нумерованными дверьми, в самом конце коридора располагалась комната Ионатана, номер 24: три сорок в длину, два двадцать в ширину

и два метра пятьдесят в высоту. Всю обстановку составляли кровать, стол, стул, электрическая лампочка и вешалка, больше ничего. Только в конце шестидесятых электропроводка была улучшена настолько, что можно было подключить к ней плиты и обогреватели; к комнатам подвели воду и установили в них раковины и колонки. А до этого все обитатели чердачного этажа, если они не прятали у себя контрабандной спиртовки, питались всухомятку, спали в нетопленных комнатах и стирали носки и мыли посуду холодной водой в единственной на весь коридор умывалке рядом с общей уборной. Все это вполне устраивало Ионатана. Он искал не комфорта, а надежного пристанища, которое принадлежало бы ему, и только ему, которое защитило бы его от неприятных неожиданностей жизни и из которого никто больше не посмел бы его изгнать. Впервые войдя в комнату 24, он сразу понял: вот оно, то, чего ты, собственно, всегда желал, здесь ты останешься навсегда. (Говорят, совершенно то же самое происходит с некоторыми мужчинами при так называемой любви с первого взгляда, когда они молниеносно решают, что впервые

увиденная ими женщина — это женщина на всю жизнь, которой они овладеют и с которой останутся до конца своих дней.)

Ионатан Ноэль снял эту комнату за пять тысяч старых франков в месяц, отсюда он каждое утро уходил на службу на расположенную поблизости улицу де Севр, сюда возвращался вечерами с хлебом, колбасой, яблоками и сыром, ел, спал и был счастлив. По воскресеньям он вообще не выходил из дому, убирал комнату и застилал постель свежей простыней. Так он и жил, спокойный и довольный, из года в год, десятилетие за десятилетием.

Некоторые внешние условия жизни за это время изменились, например квартирная плата, тип жильцов. В пятидесятых годах соседние комнаты снимало еще довольно много служанок, молодых семейных пар, встречались и пенсионеры. Позже все чаще стали въезжать и выезжать испанцы, португальцы, североафриканцы. С конца шестидесятых большинство жильцов составляли студенты, но и они схлынули. Наконец некоторые комнаты перестали сдаваться внаем, они опустели или служили своим владельцам — господам из дорогих квартир на нижних этажах — в качестве

чуланов для рухляди или запасных спален для гостей. Комната Ионатана — номер 24 — с течением времени стала довольно комфортабельным обиталищем. Он купил себе новую кровать, построил шкаф, застелил семь с половиной квадратных метров пола серым ковром, обклеил красными лакированными обоями угол с плитой и раковиной. У него было радио, телевизор и утюг. Продукты он уже не вывешивал, как когда-то, в мешочке за окно, а хранил в крошечном холодильнике под раковиной, так что у него даже летом в самую сильную жару масло больше не таяло, а ветчина не сохла. Над изголовьем кровати он прибил полку, на которой стояло не меньше семнадцати книг, а именно трехтомный карманный медицинский словарь, несколько великолепно иллюстрированных изданий — о кроманьонцах, о технике литья в эпоху бронзы, о Древнем Египте, об этрусках и о Французской революции, одна книга о парусных судах, одна о флагах, одна о фауне тропиков, два романа Александра Дюма-отца, мемуары Сен-Симона, поваренная книга с рецептами густых супов, «Малый Ларусс» и «Краткий справочник для сотрудников охраны служебных

помещений с особым учетом инструкций по использованию табельного пистолета». Под кроватью хранилась дюжина бутылок красного вина, в том числе одна бутылка Chateau Cheval Blanc grand cru classe, которую он собирался распить в день своего выхода на пенсию в 1998 году. Тщательно подогнанная система электрических лампочек позволяла Ионатану сидеть и читать газету в трех местах своей комнаты, а именно в ногах и в изголовье своей кровати, а также за столиком, так что при этом свет не бил в глаза, а на газету не падала тень.

Правда, из-за многочисленных приобретений комната стала еще меньше, она как бы разрослась внутрь, как раковина, в которой накопилось слишком много перламутра, и благодаря своим разнообразным приспособлениям напоминала скорее каюту корабля или роскошное купе спального вагона, чем простую *chambre de bonne*. Однако за прошедшие тридцать лет она сохранила свое существенное свойство: для Ионатана она была и оставалась надежным островом в ненадежном мире, его твердой опорой, его прибежищем, его возлюбленной, да, возлюбленной, ибо, когда он по ве-

черам возвращался с работы, она, эта маленькая комната, нежно обнимала его, она его согревала и защищала, она питала его душу и тело, она была всегда готова принять его и никогда его не покидала. Она в самом деле была в его жизни единственным, на что можно было положиться. И поэтому он ни на минуту не допускал мысли, что ему придется расстаться с ней, даже теперь, когда ему было уже за пятьдесят и подчас бывало трудно взбираться по крутым лестницам на седьмой этаж, и жалованье позволило бы нанять настоящую квартиру с собственной кухней, клозетом и ванной. Он оставался верным своей возлюбленной и даже намеревался еще сильнее привязать себя к ней, а ее к себе. Он хотел сделать их отношения навеки нерушимыми, то есть купить ее. Он уже заключил договор с владелицей, мадам Лассаль. Это обойдется ему в пятьдесят пять тысяч новых франков. Сорок семь тысяч он уже выплатил. Остальные восемь тысяч будут уплачены к концу года. И тогда она станет принадлежать только ему, и ничто на свете, до самой смерти, не сможет разлучить их: Ионатана и его любимую комнату.

Так обстояли дела, когда в августе 1984 года, как-то утром в пятницу, произошла эта история с голубкой.

Ионатан только что встал. Он надел домашние туфли и набросил халат, чтобы, как всегда утром, перед бритьем, посетить туалет на этаже. Прежде чем открыть дверь, он приложил ухо к притолоке и прислушался, нет ли кого-нибудь в коридоре. Он не любил встречаться с соседями, тем более по утрам, в пижаме и купальном халате, а уж тем более по дороге в клозет. Ему было бы весьма неприятно обнаружить, что туалет занят; а уж встретиться с кем-нибудь из жильцов перед уборной... одна мысль о такой встрече приводила его в ужас. Она случилась с ним один-единственный раз, летом 1959 года, двадцать пять лет назад, и, вспоминая о ней, он содрогался: этот одновременный испуг при виде другого человека, одновременная потеря анонимности в ситуации, которая прямо-таки вопияла об анонимности, одновременное отшатывание и снова продвижение вперед, одновременное бормотание любезностей, только после вас, ах нет, после вас, месье, но мне совсем не к спеху, нет, нет, сперва вы, про-

шу вас... и все это в пижаме! Нет, он не желал больше никогда испытывать что-либо подобное, и он больше никогда не испытал ничего подобного благодаря своему профилактическому прислушиванию. Он знал на этаже каждый звук. Он мог расшифровать каждый треск, каждый скрип, каждый тихий всплеск или шорох, даже тишину. И теперь — всего на несколько секунд приложив ухо к двери — он совершенно точно знал, что в коридоре не было никого, что туалет свободен, что все еще спят. Лево́й рукой он повернул головку автоматического замка с секретом, право́й — отодвинул собачку английского замка, щеколда отошла, он легко потянул дверь на себя, и она отворилась.

Он почти уже переступил порог, он уже занес ногу, левую, он чуть было не сделал шаг — и тут он увидел ее. Она сидела перед его дверью, примерно в двадцати сантиметрах от порога, в белесом отблеске утреннего света, проникавшего через окно. Сидела, уцепившись красными когтистыми лапами за бордовый плинтус коридора, в гладком, свинцово-сером оперенье: голубка.

Она склонила голову набок и уставилась на Ионатана своим левым глазом. Этот

глаз — маленький, круглый диск, карий с черной точкой зрачка — внушал ужас. Он походил на пуговицу, пришитую к головному оперенью; без ресниц, без бровей, совершенно голый, он был бесстыдно обращен вовне и жутко открыт; но в то же время в нем была какая-то сдержанная закрытость; и все же он не казался ни открытым, ни закрытым, а просто безжизненным, как линза фотоаппарата, поглощающая весь внешний свет и не выпускающая изнутри ни единого луча. В этом глазу не было ни блеска, ни мерцания, ни единой искры, ничего живого. Это был глаз без взгляда. И он пялился на Ионатана.

Он испугался до смерти — так, вероятно, он описал бы потом этот момент, но описание было бы неточным, потому что испуг пришел позже. Скорее, он был до смерти изумлен.

Может быть, пять, может быть, десять секунд — ему они показались вечностью — он стоял, застыв на пороге своей двери, держась рукой за собачку английского замка и занеся ногу, не в силах двинуться ни взад, ни вперед. Потом произошло какое-то едва заметное движение. То ли голубка переступила с одной лапы на другую, то ли не-

много распушила перья, — во всяком случае, ее тело встрепенулось, и одновременно веки ее сомкнулись, одно — сверху, другое — снизу, собственно, даже не веки, а какие-то резинообразные клапаны, которые проглотили глаз, как возникшие из ничего губы. На какой-то момент глаз исчез. И только теперь Ионатана пронизал страх, теперь, просто от ужаса, у него встали дыбом волосы. Он отпрянул назад, в комнату, и захлопнул дверь, пока глаз голубки не успел открыться снова. Он повернул автоматический замок с секретом, доковылял три шага до кровати и сел, дрожа, с бешено колотящимся сердцем. Лоб был ледяным, и он почувствовал, как на затылке и вдоль позвоночника выступает пот.

Первая его мысль была о том, что сейчас с ним случится инфаркт, или инсульт, или по меньшей мере сосудистый криз; ты как раз в подходящем возрасте, подумал он, когда человеку за пятьдесят — самое время для подобного несчастья. И он повалился боком на постель, и натянул одеяло на мерзнувшие плечи, и стал ожидать судорожных болей, колотья в груди и под лопаткой (он как-то прочел в своем карманном медицинском справочнике, что именно так

проявляются неопровержимые симптомы инфаркта или медленного угасания сознания). Но ничего подобного не произошло. Пульс успокоился, кровь снова равномерно заструилась по сосудам головы и конечностей, не было и признаков паралича, характерных для инсульта. Ионатан мог шевелить пальцами ног и рук и двигать мускулами лица, а возможность корчить гримасы была знаком, что с органической и неврологической точек зрения все более или менее в порядке.

Зато в его мозгу за клубилась хаотическая масса совершенно неуправляемых пугающих мыслей, словно там, у него в голове, кричала и била крыльями стая черных ворон. «С тобой покончено! — каркали они. — Ты стар и немощен! Голубка запугает тебя до смерти, ты боишься ее, она загнала тебя назад, в комнату, она погубит тебя, возьмет в полон. Ты умрешь, Ионатан, умрешь, если не сейчас, то скоро, а твоя жизнь была ошибкой, ты ее прошляпил, раз тебя может привести в ужас какая-то голубка, ты должен ее убить, но ты не умеешь убивать, ты и мухи не обидишь, впрочем, муху-то ты убьешь, или мокрицу, или клеща, но никогда тебе не убить кровное

существо, теплокровное создание весом в один фунт, скорее ты убьешь человека, этак ненароком, пиф-паф, это быстро, получается маленькая дырка, диаметр восемь миллиметров, это дело чистое и позволительное, это разрешается в порядке самозащиты, параграф первый служебной инструкции для сотрудников вооруженной внутренней и внешней охраны, это даже предписывается, и никто, ни один человек тебя не упрекнет, если ты застрелишь человека, напротив, но голубка? Как застрелить голубку? Она же трепещет крыльями, легко промахнуться, стрелять в голубя грубо и непристойно, это запрещено, это приведет к лишению служебного оружия, к потере рабочего места, ты попадешь в тюрьму, если станешь стрелять в голубку, нет, убить ее ты не можешь, но и жить, жить с ней ты тоже не сможешь, никогда; в доме, где живет птица, человек больше не может жить, птица — это воплощение хаоса и анархии, птица шныряет туда-сюда, за все цепляется, выклевывает глаза, она везде гадит и рассеивает заразные бактерии и вирусы менингита, она не останется одна, она привлечет других голубей, это повлечет за собой половые отношения, начнется размно-

жение, они плодятся с бешеной скоростью, целая стая голубей окружит тебя, возьмет в кольцо, ты больше не сможешь выйти из комнаты, умрешь с голоду, задохнешься в собственных испражнениях, тебе остается выброситься из окна и разможиться о мостовую, да нет, где тебе, струсишь, запрешься в своей комнате и будешь звать на помощь, кричать, чтобы вызвали пожарную команду с лестницами и спасли тебя от какой-то птицы, от голубки! Ты станешь посмешищем всего дома, посмешищем всего квартала, на тебя станут показывать пальцами и кричать: „Это месье Ноэль! Тот, кто умолял спасти его от птички!“, и тебя упекут в психиатрическую клинику: о Ионатан, Ионатан, твое положение безнадежно, ты погиб, Ионатан!»

Вот как вопило и каркало у него в голове, и Ионатан был так смущен и впал в такое отчаяние, что сделал нечто, чего не делал с детских лет, — он смиренно сложил руки для молитвы и запричитал: «Боже мой, Боже, почему Ты меня оставил? За что меня так караешь? Отче наш, иже еси на небесех, спаси меня от этой голубки, аминь!» Это не было, как мы видим, настоящей молитвой, скорее бормотанием каких-

то обрывочных воспоминаний о его рудиментарном религиозном воспитании. Однако это помогло, потому что потребовало определенного сосредоточения и тем самым вспугнуло неразбериху мыслей. Кое-что помогло ему еще больше. Дело в том, что, едва договорив до конца свою молитву, он почувствовал такое непреодолимое желание помочиться, что понял: если ему не удастся облегчиться в течение ближайших нескольких секунд, он запачкает постель, на которой лежит, великолепную перину и даже прекрасный серый ковер. Это совершенно вывело его из себя. Застонав, он поднялся, с отчаянием взглянул на дверь... нет, сквозь эту дверь ему не пройти, даже если проклятая птица исчезла, ему уже не добежать до туалета... он подошел к раковине, сорвал с себя халат, спустил штаны, открыл кран и помочился в раковину.

Он никогда прежде не делал ничего подобного. Самая мысль о том, чтобы мочиться в красивую, белую, отчищенную до блеска раковину, предназначенную для умывания и мытья посуды, была чудовищной! Никогда, никогда он не думал, что может пасть так низко, что он вообще физически в состоянии совершить такое кощунство.

И теперь, глядя, как неудержимо, без всякого стеснения льется его моча, как она смешивается с водой и бурлит и исчезает в отверстии, чувствуя блаженное облегчение в низу живота, он одновременно испытал такой стыд, что разрыдался. Когда все было кончено, он еще некоторое время не закрывал кран и основательно вычистил раковину жидким моющим средством, дабы устранить малейшие следы совершенного непотребства. «Один раз не в счет, — бормотал он про себя, словно извиняясь перед раковиной, перед комнатой или перед самим собой, — один раз не в счет, это была уникальная критическая ситуация, это, разумеется, никогда больше не повторится...»

Теперь он немного успокоился. Мытье раковины, возвращение на место бутылки с моющим средством, выжимание тряпки — привычные, приносящие умиротворение операции — снова вернули ему чувство времени. Он взглянул на часы. Было ровно четверть восьмого. Обычно в четверть восьмого он уже бывал выбрит и приступал к уборке постели. Сегодня он опаздывал, но он еще успеет наверстать упущенное время, если в крайнем случае не позавтракает.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛУБКА

Перевод Э. Венгеровой 5

ТРИ ИСТОРИИ...

Перевод Э. Венгеровой

Тяга к глубине 109

Сражение 116

Завещание мэтра Мюссара 137

...И ОДНО НАБЛЮДЕНИЕ

Перевод Э. Венгеровой

Amnesie in litteris 171

КОНТРАБАС. Пьеса

Перевод Н. Литвинца 183